

ИСТОКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ*

Древнейшие погребальные комплексы на Тихоокеанском побережье Южной Америки (территория современных Эквадора, Перу и Чили) являются исключительно информативным источником для интерпретации ритуальной деятельности и социальных отношений в культурах архаического периода (от 10 до 3, 5 тыс. л.н.). Эти комплексы представлены одиночными, парными, а также групповыми погребениями в пределах поселений (Палома, Перниль-Альто), ритуальных центров (Нанчок), некрополей (лас-вегас), в пещерных контекстах (Трес Вентанас) и в раковинных кучах (Кариссаль). Несмотря на простоту погребальных конструкций и скромность сопровождающего инвентаря, все рассматриваемые комплексы демонстрируют бережное отношение к умершим обоих полов и всех возрастных групп, сложные манипуляции с частями тел и скелетов, включая естественную и искусственную мумификации (традиции чинчорро и киани), использование практики первичных и вторичных погребений, а также отражают основные направления хозяйственной деятельности (рыболовство, охота, собирательство), обменные контакты и конфликты (Вилья-дель-Мар) с соседними группами. Многие из отмеченных элементов погребальной практики охотников-собирателей продолжают использоваться в последующих культурах формативного периода и вплоть до контакта с европейцами.

Ключевые слова: Южная Америка, Тихоокеанское побережье, архаический период, раннеформативный период, погребения, ритуал.

DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-12

Изучение погребальных ритуалов древних культур представлено в современной археологической науке самым разнообразным спектром направлений (локализация комплексов на местности, сопроводительный инвентарь, особенности погребальных конструкций, хронология, физическая антропология, палеогенетика, трехмерное моделирование, реконструкции и т.д.). Особое место в этом ряду занимает проблематика, связанная с выявлением и интерпретацией наиболее ранних погребальных комплексов, определением истоков формирования погребальных традиций, которые проявляются в рамках крупных географических регионов на протяжении достаточно длительного времени.

В качестве такого региона для настоящей публикации нами выбрано Тихоокеанское побережье Южной Америки (территории современных Эквадора, Перу и Чили) и археологические комплексы, которые относятся к так называемому «архаическому периоду» (от 10 до 3,5 тыс. л.н.).

Данный выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, российскому читателю эти материалы известны лишь частично (в учебном пособии по археологии Южной Америки один из авторов делал общий обзор и детально останавливался лишь на трех комплексах: культуре лас-вегас (Эквадор), поселении Палома (Перу) и традиции чинчорро (Чили) [Табарев, 2006, с. 169–206]). За прошедшее время появилось достаточно много новых материалов и публикаций (особенно по южной части Перуанского побережья и северной части побережья Чили), которые существенно дополняют общую картину. Благодаря ариднему климату на большей части побережья органика в ранних

* Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект №15-01-00018 «Время великих вождей и каменных гробниц: древние культуры тихоокеанского бассейна на рубеже эр»).

погребальных комплексах сохраняется практически полностью, что позволяет проследить и зафиксировать исключительно важные детали обрядов, не уловимые археологически в иных условиях.

Во-вторых, обращение к материалам архаического периода является частью большого проекта по изучению погребальных традиций в культурах доиспанской Америки, их особенностей и возможных контактов [Леванова, Табарев, 2016; Острирова, Табарев, 2015; Табарев, 2013].

В-третьих, выбранный регион привлекателен в практическом аспекте: в 2014–2015 гг. российские специалисты первые в истории отечественной археологии начали экспедиционные исследования в Южной Америке. Их объектом стал уникальный памятник культуры вальдивия (5,6–3,5 тыс. л.н.) Реаль-Альто [Табарев, 2016; Tabarev, Kanomata, 2015; Tabarev et al., 2016]. При разборке наиболее ранних культурных горизонтов (фазы I–II; возраст 5,5–4,3 тыс. л.н.) были встречены различные по типу погребения, прочтение и интерпретация которых потребуют обязательной проработки всего массива данных о ранних погребальных комплексах в регионе.

Рис. 1. Погребальные комплексы архаического периода на Тихоокеанском побережье Южной Америки: 1 – лас-вегас, Реаль-Альто; 2 – Пайхан, Нанчок; 3 – Палома, Трес Вентанас; 4 – Перниль-Альто; 5 – Кебрада-де-лос-Буррос, Вилья-дель-Мар, Километро 4, Яра, Кариссаль; 6 – Чинчорро

При рассмотрении свидетельств наиболее ранних погребальных традиций на Тихоокеанском побережье Южной Америки с севера на юг (рис. 1) географически первой территорией является колумбийская часть. Однако на сегодняшний день ни на самом побережье, ни в параллельной долине р. Каука погребальных комплексов древнее рубежа II–I тыс. до н.э. археологами не выявлено [Леванова, Табарев, 2016, с. 80–82]. Это связано как с недостаточной изученностью, так и с влажными тропическими условиями, пагубно сказывающимися на сохранности органики.

Следующий участок побережья – территория эквадорских провинций Манаби и Санта-Элена. Самые ранние погребения там связываются с культурой лас-вегас. На основе серии из трех десятков радиоуглеродных дат исследовательница этой культуры К. Стосерт предложила следующую периодизацию: пре-лас-вегас (Pre-Las Vegas) – 10,8–10 тыс. л.н.; ранний лас-вегас (Early Las Vegas) – 10–8 тыс. л.н.; поздний лас-вегас

(Late Las Vegas) – 8–6,6 тыс. л.н. Кроме того, две даты (5830 ± 80 и 5780 ± 60 л.н.) были отнесены условно к «пост-лас-вегас» (Post-Las Vegas) [Stoother, 2011]. На сегодняшний день известно около 40 памятников (пунктов) с материалами, относимыми к культуре лас-вегас, практически все они располагаются на территории полуострова Санта-Элена. Раскопки производились лишь на одном памятнике – OGSE-80, остальные выделены по подъемным сборам, зачисткам и единичным шурфам. На памятнике OGSE-80 за несколько сезонов вскрыто около 300 кв. м, получен массовый материал (орудия из камня, раковин, кости, дерева), характеризующий культуру прибрежных охотников-собирателей на протяжении нескольких тысячелетий. Особое значение представляют многочисленные погребальные комплексы, обнаруженные в пределах памятника, – всего выделены останки 192 индивидуумов из 65 погребений (122 взрослых, 70 подростков и детей; 55 мужчин, 63 женщин, 74 без определения), зафиксированы погребения первичные (индивидуальные и парные), вторичные (индивидуальные и парные) и массовые (групповые или представленные фрагментами скелетов). Широкою известность получило погребение №25, где скелеты молодых мужчины и женщины уложены в обнимку (рис. 2). Его называют «Влюбленные из Сумпы»*.

Рис. 2. Культура лас-вегас. Двойное погребение «Влюбленные Сумпы» в музее г. Ла-Либерта, Эквадор (фото из архива авторов)

Впрочем для сюжета о погребальной практике гораздо большее значение имеют другие объекты. Во-первых, погребение №24 – первичное захоронение (в скорченном положении, на боку) женщины возрастом 40–45 лет и ростом около 154–155 см. В качестве сопроводительного инвентаря были зафиксированы несколько отщепов с галечной коркой и *окатанная галька***.

По фрагменту кости из него была получена радиоуглеродная дата 8250 ± 120 л.н. – это самая древняя дата для погребений, которая, возможно, маркирует начало появления некрополя на стоянке на переходе от ранней к поздней фазе культуры лас-вегас. Во-вторых, погребение №32 также принадлежит женщине 40–45 лет, вместе с которой были положены отщепы из бело-

* По-испански – Amantes de Sumpa. Сумпа – старое название полуострова Санта-Элена. Эффектность и уникальность погребения были одними из аргументов в кампании о необходимости создания на месте памятника археолого-этнографического музея.

** Здесь и далее по тексту курсив наш. – Прим. авт.

го кварцита и галька со следами использования. Погребение располагалось *внутри небольшого наземного жилища* или шалаша (единственного на памятнике) округлой формы диаметром 1,5 м, ограниченного неглубокой канавкой для укрепления несущих конструкций. По раковинам в нижней части этой канавки получена радиоуглеродная дата 9550 ± 120 л.н. Скорее всего, оно было покинуто после погребения. В-третьих, несколько массовых вторичных погребений, в которых собраны *череп* и крупные (берцовые) кости (мужчин, женщин, детей). Судя по их расположению, эти комплексы сооружались по специальному плану и являлись частью особого погребального ритуала. Впрочем все исследователи сходятся на том, что имеющейся информации недостаточно для того, чтобы выделить в культуре лас-вегас каких-либо свидетельств социальной или половозрастной дифференциации в погребальном обряде.

Исходя из наиболее поздних датировок для культуры лас-вегас (6,6 тыс. л.н.) и самых ранних для последующей в этом районе побережья культуры вальдивия (5,6–5,5 тыс. л.н.), часть специалистов предполагали, что между этими двумя культурами существует хронологический пробел почти в тысячу лет. Анализ стратиграфии и новые радиоуглеродные датировки, полученные в ходе работ российской экспедиции на памятнике Реаль-Альто в 2014–2015 гг., показали, что на самом деле никакого разрыва нет и речь идет о плавном переходе. Показательно, что каменный инвентарь позднего этапа лас-вегас и ранней вальдивии (фазы I–II) практически идентичны [Tabarev, Kanomata, 2015; Tabarev et al., 2016a, b]. Осталось подтвердить характер перехода сходством в погребальном обряде. До настоящего времени в литературе, посвященной Реаль-Альто, фигурируют лишь погребения, которые относятся к фазам III–V, характеристики ранних комплексов нет.

Есть описания отдельных погребений, датируемых поздними этапами культуры вальдивия (фазы VI–VIII, 4–3,5 тыс. л.н.), например погребение на памятнике Капа-Перро (среднее течение р. Хама, провинция Манаби), раскопанное в сезонах 1990–1991 гг. Погребение принадлежало молодой женщине 15–20 лет без признаков насильственной смерти или серьезных патологий. Скелет находился в вытянутом положении на спине, с головой, склоненной к правому плечу. Инвентарь достаточно яркий: небольшой керамический сосуд кокеры (*coquero*), полированная подвеска из зеленого камня, необработанные кусочки аррилита, керамическая фигурка внутри черепа кошачьего животного (оцелот) и кости летучей мыши. Подобные находки, по мнению исследователей, могут указывать на принадлежность умершей к шаманам [Zeidler et al., 1998]. С другой стороны, такой набор совершенно не характерен для ранних погребений. Именно поэтому нам важно определить элементы, присущие архаическому периоду.

Южнее, уже на перуанской части побережья (от долин рек Хекеткпеке и Чикама до полуострова Паракас), к числу наиболее ранних погребальных комплексов относятся находки отдельных захоронений в культуре пайхан, которая датируется возрастом 10,5–9,5 тыс. л.н. и маркируется в археологическом материале изящными черешковыми наконечниками. Это культура бродячих охотников-собирателей, использовавших широкий диапазон прибрежных и континентальных ресурсов, а также начинавших первые эксперименты по культивации дикоросов. Погребения были найдены на памятниках Пампа-де-лос-Фосилес (подросток 12–13 лет и молодой мужчина) (рис. 3) и Кириуак (ребенок и взрослый), все они относятся к типу первичных, в скорченном положении на боку, без каких-либо ярких сопроводительных изделий (в основном отщепы и обломки

орудий). Для первого из упомянутых комплексов в литературе приводится дата 10200 ± 200 л.н. [Chauchat, 1988; Chauchat et al., 2004].

Следующий по времени сюжет в северной части Перуанского побережья связан с находками на памятниках традиции Нанчок (среднее и верхнее течение р. Санья), которую специалисты подразделяют на два этапа: Лас-Пиркас (8,5–6 тыс. л.н.) и Тьерра-Бланка (6–5 тыс. л.н.). Известно около 60 памятников, среди которых изучено несколько поселений и, предположительно, церемониальный центр. Помимо следов от жилищных конструкций, очагов, рабочих площадок и мусорных куч, зафиксированы маунды (земляные насыпи), скопления (кластеры) костей и два погребения. Так, на памятнике SA09-28 найдено погребение мужчины в скорченном положении и на боку. Костяк лежал в естественном углублении, без сопроводительного инвентаря, был присыпан грунтом и обозначен *несколькими крупными камнями*. На памятнике SA09-52 в аналогичной ситуации, но без каменных маркеров на поверхности, был найден частично сохранившийся скелет взрослой женщины. Весь остальной антропологический материал, по мнению археологов, свидетельствует об устойчивой традиции ритуального каннибализма, причем на раннем этапе она выглядит более систематизированной (строгая локализация костей, их выборка, технология расщепления и пр.) [Rossen, Dillehay, 2001].

Для центральной и южной частей Перуанского побережья хронологические рамки архаического периода и его подразделение на подпериоды (этапы, фазы) представлены несколькими схемами. Классическая периодизация принадлежит Л. Нуньесу: ранний (Temprano) – 10,5–7 тыс. л.н., средний (Medio) – 7–5 тыс. л.н. и поздний (Tardio) – 5–3 тыс. л.н. [Nuñez, 1983]. В последние годы специалисты также часто используют схему М. Алдендерфера и Л. Бланко: ранний (Temprano) – 10–8 тыс. л.н., средний (Medio) – 8–6 тыс. л.н., поздний (Tardio) – 6–4 тыс. л.н. и финальный (Final) – 4–4,3 тыс. л.н. [Aldenderfer, Blanco, 2011].

Один из наиболее известных в центральной части побережья памятников с погребальными комплексами – поселение Палома (долина р. Чилка, около 65 км от г. Лима). Он исследовался в 1960–1970-х гг., вскрыто несколько сотен квадратных метров, зафиксированы остатки более 400 легких жилищных конструкций и более 250 сопровождавших их погребений, принадлежавших полуоседлым рыболовам-собираателям. Время существования поселения оценивается возрастом 7,7–4,8 тыс. л.н. [Табарев, 2006; Quilter, 1989]. Большинство погребений – первичные, встречены одиночные, парные и групповые погребения. Есть групповые погребения новорожденных или даже эмбрионов. Благодаря сухому климату практически вся органика сохранилась, что позволяет достаточно полно

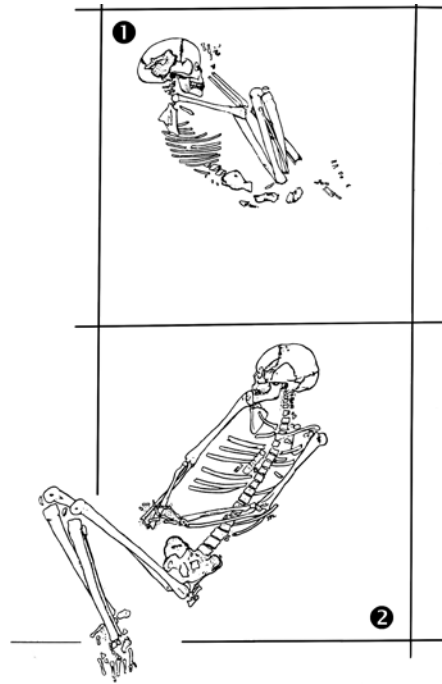

Рис. 3. Пампа-де-лос-Фосилес:
1 – погребение подростка;
2 – погребение взрослого мужчины
(по: [Chauchat, 1988])

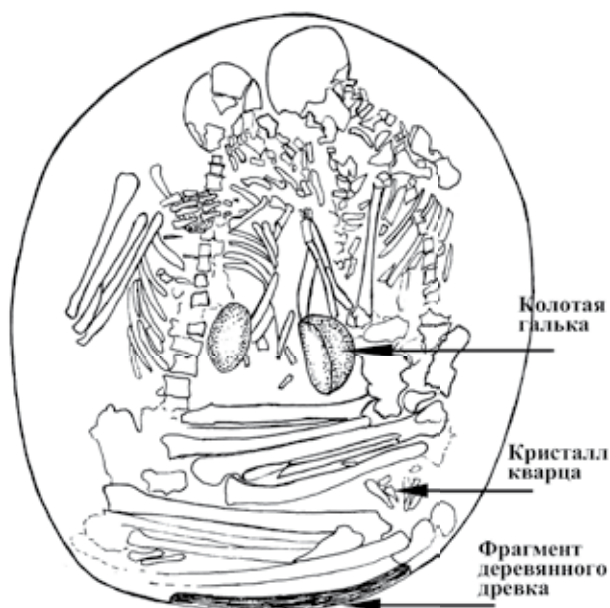

Рис. 4. Палома. Двойное погребение с кристаллом кварца (по: [Quilter, 1989])

мент прозрачного кристалла кальцита, что в южноамериканских культурах практически всегда указывает на связь с шаманской практикой (рис. 4).

Недалеко от Паломы, в долине р. Чилка, находится пещерный памятник Трес Вентанас, датированный по радиоуглероду от 10 до 6 тыс. л.н. Там найдены останки трех человек: ребенка, подростка и взрослого мужчины. После смерти их тела были уложены в неглубокие ямы на циновки, завернуты в шкуры камелид, а голова ребенка дополнительно помещена в специальный плетеный контейнер. Погребения взрослых, судя по опубликованному отчету, помечены *камнями* [Vallejos, 1982].

Очень интересный памятник – Перниль-Альто – был изучен в департаменте Ика, в долине р. Рио-Гранде, на расстоянии около 50 км от побережья. За несколько сезонов (2007–2009 гг.) на нем вскрыто около 400 кв. м, найдены следы легких жилищных конструкций и погребальные комплексы, получено около 70 радиоуглеродных датировок, которые определяют время существования поселения в рамках 5–4 тыс. л.н., что в целом соответствует среднему и началу позднего архаического периода. Всего раскопано 34 погребальных комплекса, в которых обнаружены останки 36 индивидуумов, 29 из них являются первичными одиночными погребениями, два – первичными парными, остальные относятся к частично поврежденным. Примечательно, что 22 погребения были локализованы в пределах жилищ. Практически все умершие были уложены в неглубокие овальные ямы в скорченном положении на боку и завернуты в циновки. Часть могил помечена на поверхности *камнями*. Погребальный инвентарь практически отсутствует, в некоторых могилах найдены единичные бусины из ракушек [Gorbahn, 2013].

Следующая группа интересующих нас комплексов находится в южной части Перуанского побережья (департаменты Такна, Мокегуа и Арекипа) и северной части побережья Чили (провинции Арика и Паринакота).

реконструировать погребальный обряд и инвентарь. Тела умерших закутывали в плетеные циновки и помещали в неглубокую, иногда выстеленную стеблями тростника яму в полу жилища, сверху засыпали грунтом и «запечатывали» несколькими крупными *камнями*. Инвентарь не отличается изысканностью: украшения из раковин, створки раковин с остатками пищи, кости мелких животных, фрагменты емкостей из высушенных тыкв, костяные острия (инструменты для плетения?) и рыболовные крючки, обломки терочников, кусочки *красящего пигмента* (гематит, киноварь, желтый кальцит). В одном случае в парном погребении (мужчины 21 года и 42 лет) встречен фраг-

Частично сохранившийся скелет взрослого мужчины (в скорченном положении на боку) был обнаружен на памятнике Кебрада-де-лос-Буррос (департамент Такна, примерно 2 км от побережья). Это сезонная стоянка охотников-собирателей-рыболовов, исследования на которой были начаты еще в конце 1990-х гг. и освещались нами в книге по археологии Южной Америки [Табарев, 2006]. Антропологический материал впервые встречен в 2006–2009 гг. во время нового этапа раскопок. Тщательная разборка культуросодержащего слоя позволила специалистам зафиксировать следы небольшого углубления (0,5 × 0,6 м), в котором и находились останки. Сверху погребение было отмечено *несколькими крупными камнями*. Никакого сопроводительного инвентаря вместе с костяком найдено не было, тем не менее авторы публикации отмечают наличие следов красного и черного пигментов между камнями, маркирующими погребение, а также единичной раковины конхолопас. Для слоя, в котором было изучено погребение, имеются две даты в диапазоне 8,7–8,5 тыс. л.н. [Delabarde et al., 2009].

Наиболее известные погребальные комплексы этого района долгое время связывали исключительно с традицией мумификации чинчорро [Arriaza, 1995; Guillén, 2004; Marquet et al., 2012; Santoro et al., 2012; The Chinchorro Culture..., 2014]. Она исследуется с начала XX в., подразделяется на несколько этапов (от 9 до 2,5 тыс. л.н.), демонстрирует разные способы мумификации (естественную и искусственную). Искусственная мумификация*, в свою очередь, представлена несколькими технологиями: черные мумии, красные мумии, мумии, покрытые глиной, «забинтованные мумии», мумии-статуэтки и т.д. [Табарев, 2006]. Несмотря на разнообразие и сложность технологий мумификации (рис. 5), погребальные конструкции максимально просты (грунтовые могилы глубиной 0,5–1 м), труположение для всех погребенных одинаковое (вытянутое на спине), и взрослые, и дети завернуты в плетеные циновки, а сопровождающий инвентарь скромен (рыболовные орудия, отдельные украшения из раковин) [Adán, 2013].

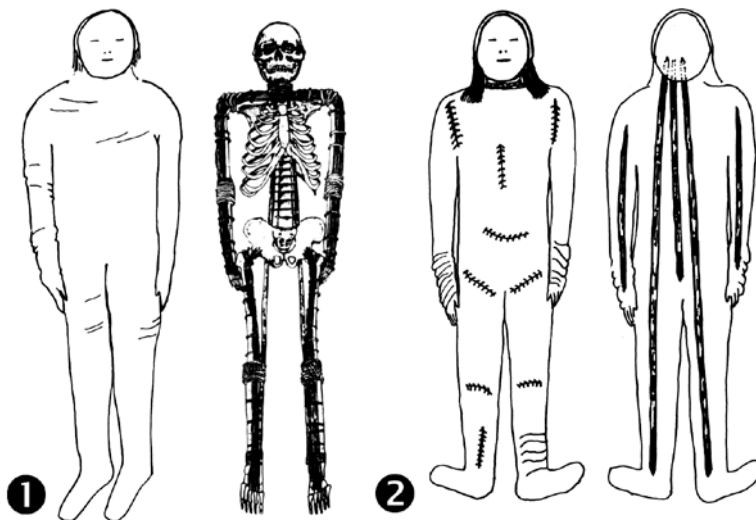

Рис. 5. Подготовка мумий в традиции чинчорро:
1 – черные мумии; 2 – красные мумии (по: [Arriaza, 1995])

* Самый ранний опыт искусственной мумификации зафиксирован на памятнике Камаронес-14, датируется возрастом около 7,5 тыс. л.н.

Исследования последних лет позволяют специалистам выделять наряду с чинчорро и другие погребальные комплексы, которые сочетают в себе элементы мумификации и локальные особенности. Это хорошо иллюстрируется материалами группы памятников, открытых на южном побережье Перу в бассейне р. Ило: Вилья-дель-Мар, Километро 4, Яра, Кариссаль и др. Существует даже специальный термин для этих комплексов – «традиция киани».

На памятнике Вилья-дель-Мар (раскопано около 100 кв. м) найдено девять погребений, включая одиночные и парные, мужские, женские и одно детское, все без следов искусственной мумификации. Все они находились в неглубоких могилах в вытянутом положении на спине, на плетеных циновках. В погребальном инвентаре присутствуют одиночные орудия из расколотых галек, рыболовные снасти, деревянные древки (возможно, части гарпунов). На черепе ребенка найдены следы глиняной маски – именно этот элемент связывает комплекс Вилья-дель-Мар с традицией чинчорро. Интерес также представляет погребение с каменными наконечниками, застрявшими в грудной клетке и тазу (рис. 6.-1), что является свидетельством внутригруппового или межгруппового насилия. Любопытно, что наконечники не были извлечены из тела при погребении. По трем пробам памятник датируется возрастом 7,8–6,3 тыс. л.н. (ранний и средний архаические периоды).

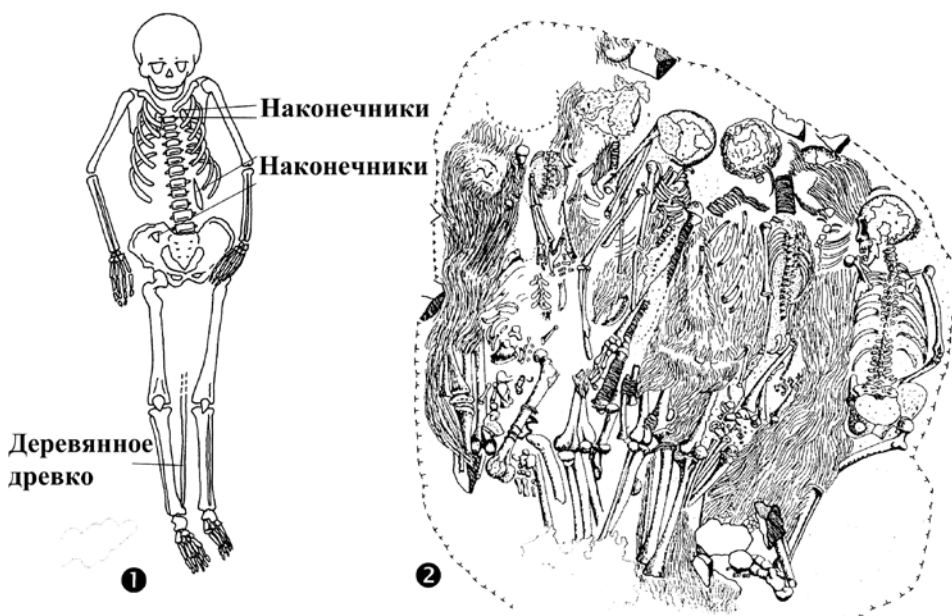

Рис. 6. Погребальные комплексы в южной части Перуанского побережья:

1 – Вилья-дель-Мар; 2 – Километро-4 (по: [Adán, 2013])

Памятник Километро-4 находится на серии береговых террас в 10 км от Вилья-дель-Мар. На площади более 300 кв. м исследователями выявлены и раскопаны несколько погребальных комплексов с одиночными, парными и групповыми погребениями [Wise, 1999]. Всего в сводной таблице по памятнику приводятся данные о 39 погребениях [Adán, 2013]. Среди групповых выделяется неглубокая могила округлых очертаний (№78) с камнями по контуру, в которой находились останки 22 индивидуумов разного

возраста и пола, завернутых в плетеные циновки (рис. 6.-2). Следует также упомянуть погребения с плетеными контейнерами на головах умерших, например парное погребение №7 (взрослый и ребенок). Кроме того, очевидно, что при погребениях производились определенные манипуляции с телами, черепами и частями скелетов. Белый цвет на некоторых костяках указывает на то, что они некоторое время экспонировались на поверхности для освобождения от плоти. Для памятника существует большая серия дат (43 пробы) в диапазоне 8–3,2 тыс. л.н. (ранний, средний и поздний архаические периоды).

Еще один памятник в этой группе – Яра – найден в 17 км на север от Вилья-дель-Мар. Общая площадь распространения артефактов – более 5 га, площадь раскопанной части – чуть более 100 кв. м. Серия радиоуглеродных датировок определяет время захоронений возрастом 7,9–4,9 тыс. л.н. (средний и поздний архаические периоды). Два погребения и три черепа без костяков зафиксированы в ходе раскопок 1994 г., еще шесть скелетов и девять отдельных черепов были найдены в сезоне 2007–2008 гг. Наиболее показательным примером особенностей погребального обряда является комплекс из трех скелетов, завернутых в плетеные циновки (погребения №3–5) (рис. 7) – два ребенка и взрослый мужчина. Справа и слева от него выложены восемь черепов, рядом с одним из них видны следы охры. Еще один череп (вместе с фрагментом циновки, раковиной и пером) найден в 0,4 м от погребений.

Рис. 7. Погребальные комплексы в южной части Перуанского побережья. Яра. Тройное погребение с черепами (по: [Adán, 2013])

К позднему архаическому периоду относятся два погребения, найденные на памятнике Кариссаль (недалеко от памятника Яра). Здесь зафиксирована большая раковинная куча площадью около 60 кв. м и мощностью до двух метров, на поверхности которой были заложены несколько небольших раскопов (2×2 и 2×1 м). Погребения встречены в горизонтах, которые датируются временем 4,7–4,5 тыс. л.н. Первое принадлежит взрослой женщине. Тело было завернуто в тростниковую циновку и уложено на бок в скорченном положении в небольшом углублении. Голова умершей дополнительно закрывалась плетеным контейнером. Единственный сопровождающий артефакт – фрагмент шлифованного орудия – находился со стороны спины. Второе погребение найдено на самом краю раковинной кучи и принадлежит мужчине 35–45 лет, тело которого было уложено лицом вниз в вытянутом положении и без каких-либо сопроводительных артефактов [Wise, 1997].

Таким образом, даже достаточно общий обзор материалов по археологическим комплексам Тихоокеанского побережья Южной Америки в диапазоне 10–3,5 тыс. л.н. подтверждает разнообразие погребальных практик и техник, а также позволяет проследить существование некоторых общих элементов, характерных для архаического периода и сохраняющихся в последующее время – от формативного периода до контакта с европейцами в XVI в.

Охотники-собиратели и рыболовы Тихоокеанского побережья оставили после себя одиночные, парные и групповые погребения, комплексы из отдельных частей тел и скелетов, погребения первичного и вторичного типов, погребения с различным положением умерших (скорченно на боку, вытянутые на спине, вытянутые на животе), а также самые древние в мире мумии. Несмотря на простоту погребальных конструкций и использование неглубоких грунтовых могил и естественных складок рельефа, погребальный обряд свидетельствует о бережном отношении к умершим всех возрастов и обоих полов. Значительная часть погребений связана с территорией поселений, стоянок и отдельных жилищ. Многие специалисты отмечают эту близость умерших и живых как особенность, присущую именно раннему архаическому периоду [Handbook of South American Archaeology, 2008; Toohy et al., 2016, p. 31]. Это подтверждается и тщательной подготовкой к погребению, обертыванием тел в плетеные циновки, использованием в ряде случаев специальных контейнеров для покрытия голов. Значительное время требовалось на вторичные погребения (длительное экспонирование тел для освобождения от плоти) и тем более на изготовление мумий.

Причина смерти (естественная, насильственная, несчастный случай) также находила отражение в погребальном контексте. Наиболее яркие примеры тому – погребение молодого человека, погибшего в результате нападения акулы, на поселении Палома [Quilter, 1989] и мужчины с несколькими наконечниками, застрывшими в костях, на памятнике Вилья-дель-Мар [Adán, 2013].

Обращение к сопровождающему погребальному инвентарю, считающемуся в археологии Старого Света основным источником информации для социальных реконструкций, для архаического периода на Тихоокеанском побережье Южной Америки «не работает». В рассматриваемых комплексах инвентарь скромный, немногочисленный и невыразительный, что, впрочем, не означает его примитивности. Он четко отражает основные направления хозяйственной деятельности (собирачество, охоту, рыболовство) и повседневные технологии (обработка камня, дерева, раковин, шкур,

плетение и др.). Есть ряд свидетельств о контактах с другими территориями (единичные изделия из обсидиана, перья птиц, редкие морские раковины) и о принадлежности умерших к шаманской практике (кристаллы кварца).

Для социальных реконструкций в данном регионе имеют значение другие элементы погребальных комплексов. Так, выше мы уже упоминали примечательный факт локализации большинства погребений в пределах поселений и в самих жилищах. Отметим еще три наиболее существенных, на наш взгляд, момента: маркировка погребений камнями на поверхности и использование камней (разноцветных галек) в самом погребении, наличие красящего пигмента на костях и, наконец, манипуляции с телами и частями скелетов (крупными костями, черепами)*.

Акцент на выявлении и анализе именно этого набора признаков будет использован при дальнейшей работе с материалами погребальных комплексов раннеформативной культуры вальдивия (Эквадор) и сравнении их с одновременными материалами на Тихоокеанском побережье Южной Америки в целом.

Авторы выражают благодарность своим коллегам – экспертам в области изучения древних культур Тихоокеанского побережья Южной Америки – профессору У. Брею (Университетский колледж, Англия), профессору К. Стосерт (Техасский технологический университет, США), профессору Х. Маркосу (Приморский политехнический университет, Эквадор) и профессору Й. Сукульскому (Вроцлавский университет, Польша) за помощь в работе с материалами, публикации и ценные комментарии по тематике статьи.

Библиографический список

- Леванова Е.С., Табарев А.В. Лабиринты для усопших: погребальные конструкции в доиспанских культурах Колумбии // Латинская Америка. 2016. №7. С. 75–85.
- Острирова Е.С., Табарев А.В. Молчание опустевших гробниц: Древние культуры Западной Мексики. История открытия и исследований // Латинская Америка. 2015. №6. С. 80–92.
- Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье : учебное пособие. Новосибирск : Сибирская научная книга, 2006. 244 с.
- Табарев А.В. На странных берегах: археологические культуры Эквадора // Дальний Восток России и Эквадор. Тихоокеанская археология. 2013. Вып. 27. Владивосток : Изд-во ДВФУ. С. 122–141.
- Табарев А.В. Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения // Теория и практика археологических исследований. 2016. №1 (13). С. 111–126.
- Adán U.A. Rasgos funerarios Chinchorro en la costa del extremo sur peruano // Chungara, Revista de Antropología Chilena. 2013. V. 45, N. 2. P. 209–235.
- Aldenderfer M.S., Blanco L.F. Reflexiones para avanzar en los estudios del período Arcaico en los Andes Centro-Sur // Chungara, Revista de Antropología Chilena. 2011. V. 43, N. 1. P. 531–550.
- Arriaza B.T. Beyond Death. The Chinchorro Mummies of Ancient Chile. Washington, D.C. : Smithsonian Institution Press, 1995. 176 p.
- Chauchat C. Early Hunter-Gatherers on the Reruvian Coast // Peruvian Prehistory. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 41–66.

* Когда работа над настоящей статьей уже подходила к концу, нам удалось познакомиться с только что опубликованным коллективным исследованием, в котором обобщаются данные о раннеголоценовых погребениях на территории Бразилии [Strauss et al., 2016]. Примечательно, что, говоря об интерпретационных возможностях материалов, авторы в первую очередь также отмечают особенности расположения антропологического материала и постмортальные манипуляции с частями скелетов.

Chauchat C., Pelegrin J., Mora C.G., Urteaga R.B., Alva R.E., Tixier J. Projectile Point Technology and Economy: A Case Study from Paján, North Coastal Perú. College Station : Texas A&M University Press, 2004. 126 p.

Delabarde T., Lavallée D., Bolaños A., Julien M. Descubrimiento de un entierro del Arcaico temprano en el sur del Perú // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. 2009. V. 38, N. 3. P. 939–946.

Gorbahn B. The Middle Archaic Site of Pernil Alto, Southern Peru: The Beginnings of Horticulture and Sedentariness in Mid-Holocene Conditions // *Diálogo Andino*. 2013. N. 41. P. 61–82.

Handbook of South American Archaeology. New York : Springer, 2008. 1192 p.

Guillén S.E. Artificial Mummies from the Andes // *Collegium Antropologicum*. Supplement 2. 2004. N. 28. P. 141–157.

Marquet P.A., Santoro C.M., Latorre C., Standen V.G., Abades S.R., Rivadeneira M.M., Arriaza B., Hochberg M.E. Emergence of Social Complexity Among Coastal Hunter-Gatherers in the Atacama Desert of Northern Chile // *PNAS*. 2012. V. 109, N. 37. P. 14754–14760.

Núñez L.A. Paleoindio y arcaico en Chile. Mexico: Escuela Nacional de Antropología e Historia, 1983. 205 p.

Quilter J. Life and Death at Paloma. Society and Mortuary Practices in a Preceramic Peruvian Village. Iowa City : University of Iowa Press, 1989. 280 p.

Rossen J., Dillehay T.D. Bone Cutting, Placement, And Cannibalism? Middle Preceramic Mortuary Patterns of Nanchoc, Northern Peru // *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2001. V. 33, N. 1. P. 63–72.

Santoro K.M., Rivadeneira M.M., Latorre C., Rothhammer F., Standen V.G. Rise and Decline of Chinchorro Sacred Landscapes Along the Hyperarid Coast of the Atacama Desert // *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2012. V. 44, N. 4. P. 637–653.

Stohtert K.E. Coastal Recourses and the Early Holocene Las Vegas Adaptation of Ecuador // *Trekking the Shore. Changing Coastlines and the Antiquity of Coastal Settlement*. New York : Springer, 2011. P. 355–382.

Strauss A. et al. Early Holocene Ritual Complexity in South America: the archaeological record of Lapa do Santo (East-Central Brazil) // *Antiquity*. 2016. V. 90, N. 354. P. 1454–1473.

Tabarev A.V., Kanomata Y. “Tropical Package”: Peculiarities of the Lithic Industries of the Most Ancient Cultures, Coastal Ecuador, Pacific Basin // *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. V. 43 (3). P. 64–76.

Tabarev A.V., Kanomata Y., Marcos J.G., Popov A.N., Lazin B.V. Insights into the Earliest Formative Period of Coastal Ecuador: New Evidence and Radiocarbon Dates from the Real Alto Site // *Radiocarbon*. 2016a. V. 58, N. 2. P. 323–330.

Tabarev A., Popov A.N., Marcos J.G., Kanomata Y. New Excavations at Real Alto Site, Valdivia Culture: Joint Russian-Japanese-Ecuadorian Project, 2014–2015 // *The Latest Results of American Studies. II nd International Symposium*. University of Wrocław, September 12–14, 2016. Wrocław : University of Wrocław, 2016b. P. 44.

The Chinchorro Culture. A Comparative Perspective. The archaeology of the earliest human mummification. Arica : UNESCO, 2014. 204 p.

Toohy J.L., Geddes B., Murphy M.S., Iturry C.P., Bouroncle J. Theorizing Residential Burial in Cajamarca, Peru: An understudied mortuary treatment in the Central Andes // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2016. V. 43. P. 29–38.

Vallejos M.A. El Hombre Preagrícola de las Cuevas Tres Ventanas de Chilca Perú: Textilería // *Zonas Áridas*. 1982. N. 2. P. 21–32.

Wise K. The Late Archaic Period Occupation at Carrizal, Peru // *Contribution in Science*. 1997. N. 467. P. 1–16.

Wise K. Kilómetro 4 y la ocupación del Periodo Arcaico en el área de Ilo, al sur del Perú // *Boletín de Arqueología PUCP*. 1999. N. 3. P. 335–363.

Zeidler J., Peter S., Sutlif M. Shamanistic Elements in a Terminal Valdivia Burial, Northern Manabi, Ecuador // *Recent Advances in the Archaeology of the Northern Andes*. Los Angeles : Institute of Archaeology, University of California, 1998. P. 109–120.

A.V. Tabarev, T.A. Gavrulina

ORIGINS OF THE BURIAL TRADITIONS IN THE ANCIENT CULTURES ON THE PACIFIC COAST OF SOUTH AMERICA

The most ancient burial complexes on the Pacific coast of South America (territories of modern Ecuador, Peru and Chile) are of highest information value for the interpretation of ritual activity and social relationships in the Archaic period cultures (10–3,500 BP). These complexes are represented by single, double, and group burials within the borders of the settlements (Paloma, Pernil Alto), ritual centers (Nanchoc), and necropolis (Las Vegas), cave contexts (Tres Ventanas), and shell mounds (Carizzal). In spite of the simplicity of burial constructions and modest character of burial toolkit, all the listed complexes demonstrate the very careful treatment of the dead persons of both gender and all ages; sophisticated manipulations with the parts of the bodies and the skeletons including natural and artificial mummifications (Chinchorro and Quiani traditions); the use of primary and secondary burial techniques. They also reflect the basic activities (fishing, hunting, and gathering), exchange contacts and conflict situations (Villa del Mar) with the neighboring groups. Most of the described elements continued to be in use in the forthcoming Formative period cultures, and up to the pre-contact times.

Key words: South America, Pacific coast, Archaic period, Early Formative period, burials, ritual.

References

Levanova E.S., Tabarev A.V. Labirinty dlya usopshikh: pogrebal'nye konstruksii v doispanskikh kul'turakh Kolumbii [Mazes for the Dead: the Burial Structure in the Pre-Hispanic Cultures of Colombia]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. 2016. №7. Pp. 75–85.

Ostrirova E.S., Tabarev A.V. Molchanie opustevshikh grobnits: Drevnie kul'tury Zapadnoy Meksiki. Istoriya otkrytiya i issledovaniy [The Silence of the Empty Tombs: Ancient Cultures of Western Mexico. History of Discovery and Research]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. 2015. №6. Pp. 80–92.

Tabarev A.V. Vvedenie v arkheologiyu Yuzhnoy Ameriki. Andy i tikhookeanskoe poberezh'e : uchebnoe posobie [Introduction to the Archeology of South America. The Andes and the Pacific Coast: Tutorial [Introduction to the Archaeology of South America. The Andes and the Pacific Coast: Textbook]. Novosibirsk : Sibirskaya nauchnaya kniga, 2006. 244 p

Tabarev A.V. Na strannykh beregakh: arkheologicheskie kul'tury Ekvadora // Dal'niy Vostok Rossii i Ekvador [On the Strange Coast: Archaeological Cultures of Ecuador]. *Tikhookeanskaya arkheologiya*. 2013. Vyp. 27 [Far East Russia and Ecuador. Pacific Archaeology. 2013. Issue. 27]. Vladivostok : Izd-vo DVFU. Pp. 122–141.

Tabarev A.V. Formativnyy period v arkheologii Ekvadora: anatomiya termina i voprosy prakticheskogo primeneniya [Formative Period in Ecuadorian Archaeology: the Anatomy of the Term and Application Questions]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №1 (13). Pp.111–126.

Adán U.A. Rasgos funerarios Chinchorro en la costa del extremo sur peruano // *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2013. V. 45, N. 2. P. 209–235.

Aldenderfer M.S., Blanco L.F. Reflexiones para avanzar en los estudios del período Arcaico en los Andes Centro-Sur // *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2011. V. 43, N. 1. P. 531–550.

Arriaza B.T. Beyond Death. The Chinchorro Mummies of Ancient Chile. Washington, D.C. : Smithsonian Institution Press, 1995. 176 p.

Chauchat C. Early Hunter-Gatherers on the Reruvian Coast // *Peruvian Prehistory*. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 41–66.

Chauchat C., Pelegrin J., Mora C.G., Urteaga R.B., Alva R.E., Tixier J. Projectile Point Technology and Economy: A Case Study from Paján, North Coastal Perú. College Station : Texas A&M University Press, 2004. 126 p.

Delabarde T., Lavallée D., Bolaños A., Julien M. Descubrimiento de un entierro del Arcaico temprano en el sur del Perú // *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. 2009. V. 38, N. 3. P. 939–946.

Gorbahn B. The Middle Archaic Site of Pernil Alto, Southern Peru: The Beginnings of Horticulture and Sedentariness in Mid-Holocene Conditions // *Diálogo Andino*. 2013. N. 41. P. 61–82.

Handbook of South American Archaeology. New York : Springer, 2008. 1192 p.

- Guillén S.E. Artificial Mummies from the Andes // *Collegium Antropologicum*. Supplement 2. 2004. N. 28. P. 141–157.
- Marquet P.A., Santoro C.M., Latorre C., Standen V.G., Abades S.R., Rivadeneira M.M., Arriaza B., Hochberg M.E. Emergence of Social Complexity Among Coastal Hunter-Gatherers in the Atacama Desert of Northern Chile // *PNAS*. 2012. V. 109, N. 37. P. 14754–14760.
- Nuñez L.A. Paleoindio y arcaico en Chile. Mexico : Escuela Nacional de Antropología e Historia, 1983. 205 p.
- Quilter J. Life and Death at Paloma. Society and Mortuary Practices in a Preceramic Peruvian Village. Iowa City : University of Iowa Press, 1989. 280 p.
- Rossen J., Dillehay T.D. Bone Cutting, Placement, And Cannibalism? Middle Preceramic Mortuary Patterns of Nanchoc, Northern Peru // *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2001. V. 33, N. 1. P. 63–72.
- Santoro K.M., Rivadeneira M.M., Latorre C., Rothhammer F., Standen V.G. Rise and Decline of Chinchorro Sacred Landscapes Along the Hyperarid Coast of the Atacama Desert // *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2012. V. 44, N. 4. P. 637–653.
- Stoothert K.E. Coastal Recourses and the Early Holocene Las Vegas Adaptation of Ecuador // *Trekking the Shore. Changing Coastlines and the Antiquity of Coastal Settlement*. New York : Springer, 2011. P. 355–382.
- Strauss A. et al. Early Holocene Ritual Complexity in South America: the archaeological record of Lapa do Santo (East-Central Brazil) // *Antiquity*. 2016. V. 90, N. 354. P. 1454–1473.
- Tabarev A.V., Kanomata Y. “Tropical Package”: Peculiarities of the Lithic Industries of the Most Ancient Cultures, Coastal Ecuador, Pacific Basin // *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. V. 43 (3). P. 64–76.
- Tabarev A.V., Kanomata Y., Marcos J.G., Popov A.N., Lazin B.V. Insights into the Earliest Formative Period of Coastal Ecuador: New Evidence and Radiocarbon Dates from the Real Alto Site // *Radiocarbon*. 2016a. V. 58, N. 2. P. 323–330.
- Tabarev A., Popov A.N., Marcos J.G., Kanomata Y. New Excavations at Real Alto Site, Valdivia Culture: Joint Russian-Japanese-Ecuadorian Project, 2014–2015 // *The Latest Results of American Studies. II nd International Symposium*. University of Wrocław, September 12–14, 2016. Wrocław : University of Wrocław, 2016b. P. 44.
- The Chinchorro Culture. A Comparative Perspective. The archaeology of the earliest human mummification. Arica : UNESCO, 2014. 204 p.
- Toohey J.L., Geddes B., Murphy M.S., Iturry C.P., Bouroncle J. Theorizing Residential Burial in Cajamarca, Peru: An understudied mortuary treatment in the Central Andes // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2016. V. 43. P. 29–38.
- Vallejos M.A. El Hombre Preagrícola de las Cuevas Tres Ventanas de Chilca Perú: Textilera // *Zonas Áridas*. 1982. N. 2. P. 21–32.
- Wise K. The Late Archaic Period Occupation at Carrizal, Peru // *Contribution in Science*. 1997. N. 467. P. 1–16.
- Wise K. Kilómetro 4 y la ocupación del Periodo Arcaico en el área de Ilo, al sur del Perú // *Boletín de Arqueología PUCP*. 1999. N. 3. P. 335–363.
- Zeidler J., Peter S., Sutlif M. Shamanistic Elements in a Terminal Valdivia Burial, Northern Manabi, Ecuador // *Recent Advances in the Archaeology of the Northern Andes*. Los Angeles : Institute of Archaeology, University of California, 1998. P. 109–120.